

В. И. Карасик
Москва, Россия

АКСИОГЕННАЯ СИТУАЦИЯ КАК КАТЕГОРИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

Статья посвящена характеристикам ценностей, выражаемых в содержании языковых и речевых единиц. Обосновано понятие *аксиогенная ситуация*. Проиллюстрированы типы таких ситуаций на примерах притч, пословиц, анекдотов и ценностно маркированных нарративов. Показано, что аксиогенное событие имеет бинарную структуру, в нем выделяются инициальная и финальная стадии, причем финальная стадия должна быть в определенной степени непредсказуемой.

Ключевые слова: лингвокультурология, ценности, аксиологическая лингвистика, аксиогенная ситуация, притча.

V. I. Karasik
Moscow, Russia

AXIOGENIC SITUATION AS A CATEGORY OF LANGUAGE AND CULTURE STUDIES

The article deals with characteristics of values represented in the meaning of language and speech units. The notion of axiogenic situation is defined, explained and illustrated on the material of parables, proverbs, jokes and personal narratives. An axiogenic event has a binary structure including initial and final stages, and the latter is to a certain degree unpredictable.

Key words: language and culture studies, values, axiological linguistics, axiogenic situation, parable.

Изучение ценностей в лингвокультурном аспекте составляет предмет аксиологической лингвистики и предполагает решение следующих задач: 1) определение понятия *ценность*, 2) установление характеристик лингвокультурного подхода к изучению ценностей, 3) построение классификации ценностей, 4) выявление способов фиксации ценностей в языковом сознании и коммуникативной практике. Ценности находят выражение в оценочных суждениях. Оценка представляет собой сложную систему квалификации действительности и включает оценочный знак, оценочную шкалу, оценочный стереотип, субъекта и объект оценки, оценочные модусы, мотивировку оценки [1]. Суммируя различные подходы к определению и характеристикам оценки, Н. Д. Арутюнова выделяет общеоценочные и частнооценочные значения, к первым относятся квалификаторы «хороший» и «плохой», ко вторым – гедонистические (вкусовые), этические и эстетические и утилитарно-рациональные квалификаторы, распадающиеся на множество подвидов [2, с.198–200].

Ценности – это «смыслообразующие основания человеческого бытия, задающие направленность и мотивированность человеческой жизни» [3, с. 21].

В этом определении выделяются три основные характеристики ценностей – их смысловая природа, мотивационная обусловленность и ориентационный вектор. Ценности как ориентиры поведения могут быть охарактеризованы с различных позиций. В философском плане ценность определяется как «соотнесение объекта или действий субъекта с некоторыми сложившимися в культуре образцами (идеалом, эталоном, нормой) и установление степени соответствия этому образцу» [4, с. 7]. Подчеркивается соотносительная природа ценности. Эта позиция четко выражена в понимании ценности как субъектно-объектной связи, при этом подчеркивается двойственная суть субъектного отношения к ценности – как отнесение объекта к ценностям и как осмысление объекта, т.е. соотношение объекта с системой ценностей и выявление и понимание конкретного смысла, который этот объект имеет у субъекта [5, с. 51], иначе говоря, акцентируется их смысловая природа. С позиций психологии ценность тесно связана с потребностью, отсюда и аксиологическое осмысление «пирамиды потребностей» в концепции А. Маслоу, на первый план выходит мотивированность ценностей, или, в формулировке В. П. Зинченко, переживаемая значимость [6]. Для социологов суть ценности – в определении предпочтения личностью или обществом определенного типа поведения в противоположность другому типу поведения, соответственно, подчеркивается ориентационный вектор ценностей. Лингвокультурологический подход к изучению ценностей наиболее близок социологическому подходу.

Ш. Шварц формулирует три основных вопроса, определяющих содержание аксиологических исследований: 1) как обусловлены ценности опытом людей (образованием, гендером, возрастом, профессией)? 2) как ценности влияют на установки людей (идеология, отношения, поступки в политическом, религиозном, экологическом и других аспектах)? 3) каковы различия в ценностных приоритетах у носителей разных культур? [7, р. 2]. Третий вопрос в полной мере соответствует тематике сопоставительных лингвокультурологических исследований, но для ответа на него необходимы сведения социального, психологического, исторического и антропологического характера. Р. М. Уильямс подчеркивает, что ценности имеют три базовых измерения – когнитивное, аффективное и директивное [8, р.16]. Иначе говоря, ценности осознаются, обусловлены эмоциями и детерминируют поступки. Отметим в этой связи, что эмоциональная обусловленность ценностей базируется на переживаемой системе культурных приоритетов, а поступки вписываются в стереотипные действия, принятые в соответствующем обществе. Сочетание культурных приоритетов и стереотипных действий и составляет содержание культурных скриптов. Характеризуя когнитивный компонент ценностей, цитируемый автор справедливо замечает, что индивид не всегда осознает, что его поступками движет та или иная ценность, подобно тому, как в речи мы не осознаем правила синтаксиса (мы их замечаем

в случае их нарушения), но вместе с тем многие ценности представляются людям вполне эксплицитными, их можно объяснить, привести примеры и т.п. В ряде случаев имеет место и осознанная маскировка мотивированного поступка [8, p. 17]. Следует подчеркнуть методологически важный тезис рассмотрения ценностей в кросс-культурном аспекте: как справедливо отметил М. Рокич, различия между индивидуумами состоит не столько в наличии или отсутствии определенных ценностей, сколько в их аранжировке (*arrangement of values, their hierarchies or priorities*) [9]. Это в полной мере относится и к различиям между культурами.

В научной литературе можно найти различные списки ценностей как культурно значимых ориентиров мировосприятия. Значимым является противопоставление индивидуальных и коллективных ценностей, и отсюда вытекает выбор техники их определения и распределения. Информант отталкивается от ситуации либо от вербального обозначения соответствующего жизненного ориентира. Ценности осмысливаются как диады с положительным и отрицательным полюсами, в этом случае контрастируют ценности и антиценности. Противопоставляются базовый и полный списки ценностей как представлений о том, что наиболее желательно и эмоционально привлекательно (первый операционально выполним, второй представляется стремящимся к бесконечности). Базовые ценности, в свою очередь, подразделяются на терминальные и инструментальные (противопоставляется то, *что*, и то, *каким образом*) [10, с. 17–19].

По аксиологическому содержанию, отражающему преимущественно соотношение личного и общественного блага, различаются ценности моральные и утилитарные, по функции, характеризующей суть жизненных ориентиров, можно противопоставить телесные (витальные) и духовные (смысложизненные) приоритеты, по охвату субъектов, разделяющих определенные мотивирующие установки, различаются общечеловеческие, цивилизационные, этнокультурные, макро- и микрогрупповые и индивидуально-личностные ценности, по дискурсивной специализации можно охарактеризовать дискурсивно-специфические и дискурсивно-универсальные ценности (к первым относятся ориентиры политического, научного, педагогического, медийного и других типов общения, ко вторым – ориентиры личностно обусловленной коммуникации), по степени их конкретизации можно выделить собственно ценности (формулируемые в виде концептов и скриптов), уточняющие их нормы (запреты и предписания) и различные частные рекомендации (обыкновения и традиции).

Изучение ценностей с позиций лингвокультурологии на первом этапе исследования состоит в определении категориального статуса этого феномена с учетом разных подходов к его изучению, далее – в составлении рабочего списка тех концептов, которые представляют собой кванты переживаемого знания о том, что понимается как ценность, затем – в последова-

тельном многоаспектном описании этих концептов, обычно такое описание по своей сути является монографическим, посвященным какой-либо одной ценности, и сопоставительным, при этом ценность рассматривается в сопоставительном плане при сравнении данных разных языков, либо литературного языка и диалекта (социолекта), либо общеупотребительного и дискурсивно-специфического осмысления концепта, либо общеупотребительного и индивидуально-авторского его осмысления. Заслуживают внимания фундаментальные исследования, посвященные лингвокультурному анализу ценностей [11; 12; 13].

Выявление лингвокультурной специфики ценностей основательно разработано в российской лингвоконцептологии, описано множество лингвокультурных концептов, и на данном этапе развития аксиологической лингвистики можно наметить следующие перспективы развития этой области гуманитарного знания: 1) разработка концепции лингвокультурологических тезаурусов разных типов – энциклопедических, учебных, популярных, 2) выявление специфики бытования лингвокультурных концептов в разных типах дискурса и разных речевых жанрах, 3) описание индивидуально-авторских особенностей осмысления таких ценностей, 4) характеристика этих ментальных образований в диахроническом аспекте с учетом взаимодействия языков и импорта концептов, 5) установление корреляций между типами ценностей и типами личностей, которые отражаются в коллективном языковом сознании как лингвокультурные типажи.

В ряду понятий лингвокультурологии выделяются концепты – кванты переживаемого знания, картина мира – система взаимосвязанных концептов, интерпретирующих фрагментируемую реальность, лингвокультурные типажи – обобщенные узнаваемые личности, в поведении которых в концентрированном виде выражены отличительные признаки культуры, лингвокультурные ценности – доминанты поведения, свойственные представителям того или иного социума; лингвокультурные скрипты (сценарии) – ценностно маркированные и этнокультурно обусловленные алгоритмы коммуникативного поведения, лингвокультурные лакуны – значимые пустоты в ментально-языковом пространстве [14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21]. Представляется, что к перечисленным понятиям относятся и определенные ситуации – осмысленные положения дел, имеющие место в объективной и субъективной реальности и являющиеся фактурой картины мира. Такие ситуации могут быть более или менее ценностно мотивированными, или, говоря точнее, аксиогенными (ценностнопорождающими). Например, кто-то пришел или не пришел на помощь человеку, оказавшемуся в беде, либо дал обещание и нарушил его, либо испортил то, что хотел исправить, и т.д. Список таких ситуаций весьма широк, но конечен. Важно отметить, что такие положения дел выделяются на фоне событий, которые не представляются значимыми для коллектива или личности.

Гипотетически можно выделить следующие системообразующие признаки аксиогенной ситуации: это положение дел, заслуживающее внимания, допускающее переосмысление и, главное, выражающее ту или иную ценность – высший ориентир поведения.

Аксиогенные ситуации могут носить объективный характер либо быть сконструированными как в произведениях художественной литературы, так и в обиходных повествованиях. Например, строители халатно отнеслись к своему делу, и дом рухнул (объективная реальность), либо фея дала героине подарок с ограниченным сроком действия (фикция). Такие ситуации не должны быть самоочевидными, иначе на них не обратят внимания. Каждая аксиогенная ситуация содержит интригу, которая может быть усилена при ее изложении или описании. Как и любая ситуация, рассматриваемое положение дел может быть представлено динамически либо статически, т.е. как развивающееся событие либо стабильный фрагмент реальности.

Основу аксиогенного события составляет диада, включающая его инициальную и финальную стадии, при этом финальная стадия является для нас неожиданной и содержит информацию, которая определяет наше отношение к миру. Например:

Вернувшийся вечером с соколиной охоты герой очень хотел пить. Он потянулся к стоящему в углу кувшину с водой. Любимый сокол, сидевший на его руке, взлетел и ударил его. Герой оттолкнул птицу и попытался вновь взять кувшин, и сокол вновь помешал своему хозяину напиться. Охотник пришел в ярость и сильно ударил птицу. Тогда окровавленный сокол взлетел и толкнул сосуд со стола. Кувшин разбился, там лежала змея [22].

В этой притче отражено аксиогенное событие «неверная интерпретация дружеского поступка». Эта ситуация становится аксиогенной на фоне простых и предсказуемых положений дел: охотник взял кувшин и напился, либо увидел змею и убил ее, либо сокол улетел на свой насест и остался там и т.д. Обратим внимание на то, что инициальная стадия может быть многокомпонентной. В частности, фольклорная традиция требует троекратного повторения того или иного действия. Обычно имеет место некоторая градация по интенсивности действий (оттолкнул – ударил). Сокол становится символом друга, которого не поняли.

Аксиогенные события фиксируются в специально выработанных в ходе длительной коммуникативной практики форматах, и прототипным жанром аксиогенного события является нарратив о чем-либо. Например:

Когда карета, в которой ехала королева, остановилась перед лужей, один из придворных быстро снял свой плащ и расстелил его на земле, чтобы Ее Величество не испачкала туфли [22].

Перед нами аксиогенное событие «Целесообразная жертва». Плащ придворного стоит достаточно дорого, но демонстрация галантности позволяет герою нарратива заработать значительно более весомый символический капитал, по П. Бурдые [23]. Испачканный плащ становится символом галантной преданности царедворца.

Обратим внимание на контрастное фабульное изображение приведенных аксиогенных событий: желание – помеха, помощь – ошибочное наказание, грязь – дорогая одежда. Структура аксиогенных событий отчасти соотносима со структурой волшебной сказки, по В. Я. Проппу [24], но поскольку сказочный сюжет составляет малую часть целостной сюжетики миропорядка, значимыми оказываются весьма разнородные события. В качестве подобных событий фигурируют удивительные, героические, жестокие, смешные, глупые и другие происшествия, оставшиеся в памяти людей. Повторяясь, они становятся прецедентными явлениями [25; 26]. Особенно значимыми являются поступки, т.е. действия, предполагающие выбор и свидетельствующие о приоритетах действующего лица.

Вербализация аксиогенного события осуществляется в виде повествования о нем. Такое повествование развивается по правилам развития нарратива, т.е. оно предполагает участников, хронотоп (время и место), сюжетную линию, наличие кульминации в сюжете и его разрешение. Помимо объективного сюжета как объективной последовательности взаимосвязанных сцен в событии существует фабула – субъективная фокусировка сюжета, его режиссура, выдвижение одних сцен на передний план, а других на задний, создание перспективы и ретроспективы, выбор точки отсчета в нарративе, средств повествования и т.д. Аксиогенное событие выступает в качестве объективного основания для сюжета, который становится фактом речи, будучи облечен в фабульную оболочку. Аксиогенное событие всегда конкретно, у него есть реальные или придуманные участники, его осмысление в виде сюжета является генерализацией этого события, а его подача в коммуникации в той или иной фабуле и определенном текстовом воплощении выступает как его вторичная конкретизация. В определенной мере эта трехмерная схема соответствует известным семиотическим координатам «референт» – «концепт» – «текст».

Аксиогенные события вербализуются в специально созданных для этого жанрах речи – легендах, притчах, пословицах, анекдотах и описаниях случаев из жизни (фактических и фикциональных).

Проиллюстрируем сказанное на примере притч. Эти аллегорические истории повествуют о событиях, демонстрирующих те или иные ценности и нормы поведения и мировосприятия. Применительно к притчам мы сталкиваемся не столько с событиями, сколько с ситуациями, требующими ценностного осмысления. Следующая притча может послужить иллюстрацией для аксиогенного события «Усвоение урока».

У одного мастера дзэн был внук, любивший послушать своего дедушку. И вот однажды он разбил хрустальную вазу, которой дед очень дорожил. Не дожидаясь, пока это обнаружат, мальчик сам подошел к деду и спросил: «Помнишь, ты говорил, что всему на свете есть срок?» «Да, верно», – согласился мастер. «Так вот, срок жизни твоей любимой хрустальной вазы уже истек» [22].

Мы видим, что мальчик научился оперировать философскими суждениями. И хотя мастеру было жаль, что ваза разбита, думается, что он выслушал слова своего внука с мудрой улыбкой понимания. Эта притча содержит следующие ориентиры поведения: 1) следует находить подходящие слова для сообщения, 2) следует знать, что всему на свете есть срок.

Мы часто не видим положительных сторон жизни, обращая внимание лишь на отрицательные:

Пришло время Мастеру проверять своих учеников. Он позвал троих, взял белый лист бумаги, капнул на него чернила и спросил:

– Что вы видите?

Первый ответил: «Черное пятно». Второй: «Кляксу». Третий: «Чернила». Монах заплакал и ушёл в свою келью. Позже ученики спросили:

– Почему Вы плакали?

Монах сказал:

– Никто из вас не увидел белого листа [22].

В приведенной притче иллюстрируется аксиогенная ситуация «Умение видеть суть». Ученики мастера не обратили внимания на главное. Отсюда вытекают следующие мировоззренческие установки: 1) следует видеть в жизни, как плохое, так и хорошее, 2) следует в первую очередь замечать хорошее.

Подведем основные итоги.

В качестве единицы референциальной базы ценностной картины мира представляется возможным ввести понятие *аксиогенная ситуация* – положение дел, которое заслуживает внимания, является ценностно мотивированным и допускает переосмысление. Разновидность такой ситуации – аксиогенное событие – имеет бинарную структуру, в нем выделяются инициальная и финальная стадии, причем финальная стадия должна быть в определенной степени непредсказуемой. Существуют выработанные коммуникативной практикой специальные жанры для интерпретации аксиогенных ситуаций – легенды, притчи, пословицы, анекдоты, казуальные нарративы. Содержание аксиогенных ситуаций может быть выражено в виде аксиогенных норм – исследовательских конструкторов, в которых сформулированы те или иные прескрипции поведения в форме запретов или рекомендаций. Перспективным направлением для осмысления аксиогенной ситуации как одного из понятий лингвокультурологии представляется выявление национальной, социально-групповой и исторической специфики аксиологической плотности в различных фрагментах ценностной картины мира того или иного социума.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – М. : Наука, 1985. – 229 с.
2. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М. : Языки рус. культуры, 1998. – 896 с.

3. *Абушенко, В. Л.* Аксиология / В. Л. Абушенко // Всемирная энциклопедия: Философия XX век / гл. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. – М. : АСТ; Минск. : Харвест; Современный литератор, 2002. – С.21-23.
4. *Микешина, Л. А.* Современное развитие понятия «ценность» / Л. А. Микешина // Ценности и смыслы. – 2009. – №1. – С. 6–17.
5. *Каган, М. С.* Философская теория ценности / М. С. Каган. – СПб. : Петрополис, 1997. – 205 с.
6. *Зинченко, В. П.* Ценности в структуре сознания / В. П. Зинченко // Вопр. философии. – 2011. – № 8. – С. 85–97.
7. *Schwartz, S. H.* Universals in the content and structure of values : theoretical advances and empirical tests in 20 countries / S. H. Schwartz // Advances in experimental social Psychology. – 1992. – Vol. 25. – P.1–65.
8. *Williams, R. M.* Change and stability in values and value systems: a Sociological Perspective / R. M. Williams // Understanding Human Values : Individual and Societal / ed. by M. Rokeach. – N. Y.: The Free Press, 1979. – P.15–46.
9. *Rokeach, M.* The Nature of Human Values / M. Rokeach. – N. Y.: The Free Press, 1973. – 438 p.
10. *Смирнов, Л. М.* Базовые ценности и «антиценности» современных россиян / Л. М. Смирнов // Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы / отв. ред. А. В. Рябов, Е. Ш. Курбангалеева. – М. : Дом интеллектуальной книги, 2003. – С.16–26.
11. *Дементьев, В. В.* Коммуникативные ценности русской культуры: категория персональности в лексике и прагматике / В. В. Дементьев. – М. : Глобал ком, 2013. – 336 с.
12. *Воркачев, С. Г.* Воплощение смысла: conceptualia selecta / С. Г. Воркачев. – Волгоград : Парадигма, 2014. – 331 с.
13. *Зализняк, Анна А.* О пошлости и прозе жизни / Анна А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев // Ключевые идеи русской языковой картины мира: сб. ст. – М. : Языки слав. культуры, 2005. – С.175–202.
14. *Бабаева, Е. В.* Дискурсивное измерение ценностей / Е. В. Бабаева // Вестн. НГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2003. – Т. 1. – Вып. 1. – С. 11–15.
15. *Вежбицкая, А.* Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая. – М. : Школа «Языки рус. культуры», 1999. – 780 с.
16. *Воркачев, С. Г.* Наполнение концептосферы / С. Г. Воркачев // Лингвокультурный концепт : типология и области бытования. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2007. – С.8–93.
17. *Карасик, В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – М. : Гнозис, 2004. – 390 с.
18. *Колесов, В. В.* Язык и ментальность / В. В. Колесов. – СПб. : Петербургское востоковедение, 2004. – 240 с.
19. *Красавский, Н. А.* Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах / Н. А. Красавский. – М. : Гнозис, 2008. – 374 с.
20. *Пименова, М. В.* Душа и дух: особенности концептуализации / М. В. Пименова. – Кемерово : Графика, 2004. – 386 с.
21. *Степанов, Ю. С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – М. : Школа «Языки рус. культуры», 1997. – 824 с.

22. Притчи.ру [Электронный ресурс] – Режим доступа : www.pritch.ru. – Дата доступа : 14.06.2017.
23. Бурдьё, П. Практический смысл: пер. с фр. / П. Бурдьё. – СПб. : Алетейя, 2001. – 562 с.
24. Пропт, В. Я. Морфология сказки / В. Я. Пропт. – Л. : Academia, 1928. – 152 с.
25. Красных, В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология / В. В. Красных. – М. : Гнозис, 2002. – 284 с.
26. Слышкин, Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты / Г. Г. Слышкин. – Волгоград : Перемена, 2004. – 340 с.

Владимир Ильич Карасик

доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры общего и русского языкознания
Государственного института русского языка
имени А.С. Пушкина

Vladimir I. Karasik

Advanced Doctor of Philology, professor,
department of Russian and general linguistics,
Pushkin State Russian Language institute